

Гофман А. Б. МОДА И ЛЮДИ. М.: Наука, 1993. 158 с.

Социология моды — так, пожалуй, можно определить жанр рецензируемой книги. Жанр, прямо скажем, мало разработанный. Следовательно, в этой области нет устоявшихся научных традиций: четкого определения предмета исследования, наработанного концептуального аппарата, более того — эмпирического материала, служащего базой для построения частно-социологических теорий.

Надо ожидать, что автор, не имея продвинутых образцов в своей области, предпримет попытку как-то заполнить пробел. Так оно в общем-то и случилось. Книга — систематический очерк социологической теории моды. В ней обобщен широкий исторический материал о том, как употреблялось само понятие «мода», каковы его смысловые нагрузки, как эволюционировало социальное явление моды на протяжении нескольких веков. Далее автор раскрывает теоретико-методологический аспект проблемы, в частности, рассматривает структуру моды как систему ценностей и излагает ее составные элементы. С этого, собственно говоря, и должно начинаться всякое научное изыскание.

Мода подается автором как механизм или форма саморегуляции и социальной регуляции человеческого поведения: индивидуального, группового, массового (с. 9). Среди механизмов регуляции названы социальные нормы, ценности, институты, традиции, обычаи, организации. Такой подход сразу же вывел автора на общесоциологическую тематику, в особенности на раздел, связанный с культурой и социальной инноватикой.

Обычай А. Гофман трактует как антипод моды. При этом ему приходится дифференцировать обычай от ритуала и традиции. Последняя понимается как более широкое явление, нежели обычай. Обычай — всего лишь жесткая шаблонизированная форма реализации традиции. Ритуал же — разновидность обычая, выступающая только как символическое выражение определенных социальных отношений (с. 28). Представление о похоронных ритуалах, различающихся в разных странах и культурах, наталкивает именно на такой ход мысли.

Однако ритуал — это еще и символическая процедура, т.е. практика. Автор указывает на утилитарно-практическое начало ритуала, но последовательно и всесторонне не разворачивает свой тезис. А зря. Ритуальный компонент моды играет далеко не последнюю роль в общей картине изучаемого явления и исследован в нашей литературе до смешного плохо.

Обычай, традиции, ритуал — так называемые черты (элементы) культуры. Понятие, определяемое через них, по логике вещей входит в состав той же культуры. Несомненно, обычай относится к системе ценностей. Согласно исходным постулатам автора, обычай — антипод моды. Стало быть, мода не должна принадлежать сфере ценностей. Но нет, она также заносится в общий реестр: феномен и антифеномен в одной упряжке. Может ли такое быть? Оказывается, может. И вот почему.

Принадлежит какой-либо социальный механизм к ценностно-нормативной области или нет, зависит от критерия общепринятости. Обычай — это общепринятые нормы. Но и мода — общепринятый регулятор поведения. Однако функции и направленность у них разные. Обычай консервирует социокультурные отношения. Мода, напротив, символизирует постоянный поиск нового, инноватику. Обычай — часть механизма сакрализации явлений. Он переносит их в область освященной традиции. Сакральные ценности почитаются, хотя далеко не все, что есть в обществе, подвергается освящению, например, светские ценности и культы. Все они в разной степени враждебны моде.

Различие моды и обычая на самом деле процесс более тонкий, чем это может показаться на первый взгляд. «Даже в одежде, которую мы привыкли, и не без основания, считать царством моды, обычай занимает все же немаловажное место. Базовые культурные образцы в одежде, по существу, выступают в роли обычаев. К примеру, фасоны брюк изменяются под влиянием моды, но само по себе ношение брюк как таковых — это обычай» (с. 35). В таком случае моду нужно понимать как ритмически сменяемые образцы или формы проявления обычая, который — взять хотя бы ношение одежды, — выступает содержанием или стержнем, изменений как раз и не претерпевающим.

Понятия обычаев, традиций и ритуалов относятся к общесоциологическим категориям. Но вот классификация функций, видов и циклов развития моды, несомненно, относится к частносоциологической теории. Автор выделяет в числе главных демонстративную, инновационную и коммуникативную функции моды. Наряду с ними в книге описываются неглавные функции: 1) социальной дифференциации и нивелирования, 2) социализации, 3) престижная, 4) психофизиологической разрядки. Функции неразрывно связаны с чертами или характеристиками моды — неутилитарностью, наличием игрового начала, демонстративностью, экстерриториальностью, универсальностью (диффузностью), современностью.

Нетрудно заметить, что описанные черты моды содержат в себе в неявном виде оценочный момент. Именно ученый определяет (и одновременно оценивает) ту или иную черту как необходимый структурный компонент моды. Почему современность — это черта, а, допустим, изменчивость — нет? Ведь мода густо замешана на инноватике. И автор убедительно доказывает это.

Раздел книги, посвященный инноватике, один из сильных. Вполне логично, что А. Гофман последовательно переходит от изложения структуры к описанию динамики моды. В научный оборот он предлагает ввести такие термины, как «жизненный цикл моды» или «модные циклы», «виды и степени новизны», «модные изменения» и «модные инновации», «распространение, потребление и производство моды», «участники моды». Появляется иной репертуар элементов моды, а теперь уже модных инноваций: увлечения, поветрия, причуды, мании, чудачества, бум. Несомненно, перед нами более конкретный уровень социального анализа, чем в первых разделах.

В нашу задачу не входит подробное рассмотрение содержания книги. Да и ни к чему это. Читатель, заинтересовавшись, сам прочтет. Здесь важна общая оценка работы — перед нами талантливое исследование, посвященное одной из фундаментальных явлений действительности. Исследование, которое, если хотите, может стать своеобразным учебником либо учебным пособием в одной из отраслей социологии.

А.И.КРАВЧЕНКО

©1995 г.

Белянин В.П., Бутенко И.А. ЖИВАЯ РЕЧЬ. СЛОВАРЬ РАЗГОВОРНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ. М.: ПАИМС, 1994.

Из нескольких десятков книг, изданных при поддержке Международного фонда «Культурная инициатива» несколько в стороне лежит словарь «Живая речь», который, возможно, пригодится социологу при контент-анализе любых текстов. Его пригодность, в частности, может быть проверена на высказываниях современных политиков, чья лексика на первый, непрофессиональный взгляд, представляет симптом вялотекущей шизофрении. Поскольку устная речь характеризуется своеобразной «свернутостью», клишированностью, эмоциональностью, размытостью семантики, то социологи хорошо знают, насколько сложна интерпретация разговорных фраз и выражений в силу их ненормативности и контекстуальности. Тем не менее, задача эта должна быть решена, в частности, и потому, что понимание закономерностей устной разговорной речи дает возможность понять структуру коммуникационных связей, а, следовательно, некоторые принципы человеческого общения, характер и культуру народа.

На многих языках существуют словари арго, жаргона, языка деклассированных элементов, алогичных высказываний политических деятелей и т.п. Написаны и продаются на дискетах детские стишки-страшилки, анекдоты. На русском же языке подобного изобилия пока нет.

В отношении русского языка такая задача становится актуальной и в силу того, что на наших глазах происходит обвальный «процесс демократизации языка». Это выражается в том, что во все сферы языкового употребления проникают элементы просторечной лексики. На наших глазах происходит снятие табуированности со многих элементов языка, просторечные и жаргонные выражения слышатся и в речи поэтов, и в речи ученых и политиков¹, и все это иногда попадает на страницы периодических изданий. Не замечать этого процесса при анализе современного состояния речевой культуры уже совсем трудно.

Несмотря на то, что говорить об обучении разговорной речи во всем многообразии ее форм пока преждевременно, считаю полезным начать такой разговор на страницах данного издания, тем более, что журнал уже начал обращаться к этой проблеме.

Традиция опоры при контент-анализе на письменные источники, существующая в российской социолингвистике, негативно повлияла на степень изученности ряда явлений, связанных, в частности, с языковой игрой, с шутливым речевым поведением русских. Как следствие, значительная часть непринужденно звучащей речи оказывается не просто неисследованной, но и совершенно непонятной для многих отечественных представителей социальных групп, особенно иностранцев (армян, азербайджанцев, грузин, украинцев, тамильцев, зулусов и проч.).

Основными особенностями шутливой разговорной речи являются фразеологичность и клишированность. Основное ее ядро — фразеологизмы, выступающие как в виде словосочетаний, так и в виде реплик двух и более собеседников. Употребляются эти словосочетания исключительно в типичных, часто повторяющихся ситуациях устного непринужденного общения. Нередко они ритмически организованы или имеют рифмующиеся части, характеризуются определенной лексической и прагматической спецификой. Такие словосочетания, или фразеологизмы в Широком значении, оказываются промежуточны им между единицами собственно языка и краткими фольклорными жанрами и потому, к сожалению, пока не привлекли достаточного внимания отечественных социолингвистов.

Но говорить о том, что специфика шутливого характера разговорной речи состоит только в ее фразеологии — неверно. Устная ненормативная речь разворачивается на всех уровнях языка — на уровне слова, словосочетания, фразы, текста.

При встрече с респондентом интервьюер постоянно сталкивается с подобной ситуацией. Респондент не понимает социолога, который в свою очередь неадекватно интерпретирует высказывание своей жертвы.

Сергей Довлатов так описывает диалог автора предполагаемой монографии «Секс при тоталитаризме» Натана Зарецкого с некоей Марусей:

¹ К сожалению, социологи при общении, как-то сопротивляются новшествам, хотя устная речь некоторый приводит меня в неподдельный восторг. Чего стоят, например, постоянные клятвенные заверения одного из них, где немым залогом выступает здоровье любимых внуков.

² Из зарубежных изданий подобного жанра выделяется лондонское «За пределами русских словарей» А.Флегона (1993), где лексика, к сожалению, в основном состоит из слов, связанных с понятиями «отец», «мать», «сын», «дочь», «дед», «баба», «муж», «жена», «самец», «самка», «побовник» и с деятельностью этих лиц, направленной на воспроизводство человеческого рода.

И дальше, повернувшись к Марусе:

— Сколько вам лет?

— Тридцать четыре.

— Замужем?

— В разводе.

— Имели половые сношения до брака?

— До брака?

— Иными словами — когда подверглись дефлорации?

— Чему?

— Когда потеряли невинность?

— А-а... Мне послышалось — декларация... Маруся слегка покраснелась. Зарецкий внушал ей страх и уважение, Вдруг он сочтет ее мещанкой?

— Не помню, — сказала Маруся.

— Что — не помню?

— До или после. Скорее все-таки — до.

— До или после чего?

— Вы спросили — до или после замужества.

— Так до или после?

— Мне кажется — до.

— До или после венгерских событий?

— Что значит — венгерские события?

— До или после разоблачения культа личности?

— Вроде бы после.

— Точнее?

— После.

— Хорошо. Вы занимаетесь мастурбацией?

— Раз в месяц, как положено.

— Что — как положено?

— Ну, это... Женские дела...

— Я спрашиваю о мастурбации.

— О, Господи! — сказала Маруся³.

Помимо шуточных выражений в словарь вошли и разные ругательства. Перефразируя А. Флегона по поводу подобных фраз, замечу, что нецензурщина, может быть, при светлом будущем России — капитализме, выйдет из употребления, но в настоящее время ни один нормальный русский не считает возможным построить капитализм без ругательств.

В целом словарь, описывающий живую, довольно непринужденную речь, охватил большое число выражений. Материалом послужили записи дружеского общения, сделанные, главным образом, методом включенного наблюдения. Это позволило избежать влияния факторов, связанных с вмешательством исследователя в обычные разговоры. Собранные единицы по мере пополнения списка предъявлялись носителям языка, которые помечали известные им выражений и вносили в список дополнения и варианты, что, позволяло увеличивать его методом так называемого «снежного кома».

Для словаря отбирались те выражения, которые помечались в качестве известных или встречались в качестве дополнений и вариантов не менее трех раз.

Учитывая специфику сбора и отбора материала, авторы воздержались от оценки степени распространенности тех или иных выражений, видя в этом предмет дальнейших исследований и экспериментов.

Рецензент же не смог удержаться от цитаты одной из приведенных единиц словаря:

«Впервые на арене без намордника»: 1) о чем-либо делаемом впервые; 2) о выступлении; проявлении излишней активности, самостоятельности (с. 34).

А. СОСЕДСКИЙ

---

³ Довлатов С. Собрание прозы в трех томах. Т. 3. СПб.: Лимбус-пресс, 1993. С. 45.

© 1995 г.

ВВЕДЕНИЕ В ПРАКТИЧЕСКУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ПСИХОЛОГИЮ. Учебное пособие для вузов. М.: Наука, 1994.

В условиях активного развития практической психологии в России возникает необходимость рефлексии данного процесса. Одной из первых попыток такого рода является рецензируемая книга, подготовленная сотрудниками и выпускниками кафедры социальной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Книга состоит из трех частей. В *первой части* («Проблемы практической социальной психологии») определяется социально-исторический контекст становления практической социальной психологии, проводится различие между подходами к психологической реальности, характерными для академических психологов и психологов-практиков. Анализируется процесс определения психологом-практиком своего места в системе взаимодействия с другими заинтересованными лицами и предлагается концептуальный аппарат, пригодный для решения этой задачи. Обозначаются стратегии работы социального психолога-практика.

Вторая часть («Области практической социальной психологии») посвящена конкретным направлениям деятельности практического социального психолога. Описывается роль психолога в формировании маркетингового мышления. На конкретных примерах обсуждается практика работы с персоналом в организации. Излагаются особенности проведения гуманитарной экспертизы в экстремальных ситуациях. Обозначаются возможные направления применения психологических знаний в политике, рассматриваются стратегии развития компетентного общения как одного из направлений оказания психологической помощи, а также способы адаптации к новой культурной среде. Выделяются направления социально-психологической деятельности в области рекламы и стратегии работы психолога в школе. В *третьей части* приводятся примеры конкретных социально-психологических методов.

Однозначно следует признать полезность и своевременность анализа и систематизации накопленного в практической социальной психологии опыта. Интересны и информативны главы, посвященные как обобщению проделанной работы, так и описанию практических методов социального психолога. Чувствуется, что авторы — высококомпетентные специалисты-практики и им есть, что сказать читателю.

Вместе с тем, книга вызывает к себе неоднозначное отношение. Связано это с жанром — учебное пособие. Будь книга обычным сборником статей, ее оценка была бы полностью положительной. Однако особое назначение книги предъявляет дополнительные требования к организации и формам подачи материала. Именно в данном отношении к изданию могут быть предъявлены определенные претензии.

Прежде всего представляется, что чрезмерно расширяются содержательные рамки практической социальной психологии. Так, к последней относятся психологическое семейное и школьное консультирование, что достаточно спорно. Подобная ситуация и с управленческим консультированием, которое в развитых странах Запада и организационно, и по типу образовательной подготовки его представителей мало связано с психологией.

Целый ряд вопросов возникает при анализе принципов организации материала в пособии. Почему практической деятельности в школе посвящено две статьи, а другим областям по одной? Почему не представлены иные области практической социальной психологии, такие, например, как разрешение межгрупповых конфликтов? Почему в третьем разделе одни статьи посвящены целой группе методов (С.А. Липатов — «Методы социально-психологической диагностики, организаций», О.Т. Мельникова — «Качественные методы в решении практических социально-психологических задач», другие — отдельным методам (Е.Ю. Алешина — «Консультативная беседа», Н.Н. Богомолова, О.Т. Мельникова, Т.В. Фоломеева — «Фокус-группы как качественный метод в прикладных социально-психологических исследованиях»), третьи же затрагивают вообще лишь отдельные аспекты применения конкретного метода (П.В. Растянкин — «Моделирование в группах активного социально-психологического обучения», М.А. Иванов, Б.М. Мастеров — «Саморегуляция во взаимодействии»). Вызывает сомнение принадлежность некоторых из описываемых методов именно к практической социальной психологии. Консультативная беседа (которой посвящена глава Е.Ю. Алешиной), например, неотъемлемый элемент любой области практической психологии, а не только социальной. Подобная, произвольность в выборе тем и отсутствие четкой структуры при построении разделов не относятся к числу достоинств учебного пособия.

Бросается в глаза и такая формальная особенность текстов различных авторов, как характер цитирования. Одни статьи сопровождаются достаточно большим списком литературы, в других он практически отсутствует. Учебное пособие предполагает все-таки большее единообразие в данном отношении.

Рецензент хорошо понимает, с какими трудностями столкнулись авторы. С одной стороны, предполагается, что в учебном пособии по практической социальной психологии будут представлены общепризнанные теории и методы. С другой, указанная книга представляет собой учебное пособие по **практической** социальной психологии. А как известно, для того чтобы успешно обучать некоторым практическим навыкам, необходимо иметь не только знания, но прежде всего опыт практической деятельности в данной области: никакой самый подробный аналитический обзор не заменит собственного уникального опыта.

Успешно решить указанную проблему совсем не просто. Возможно, полезным было бы обращение к опыту зарубежной психологии, где существует по крайней мере два вида книг: по практической психологии и для психологов. Второй представляет собой объемный обзор, посвященный анализу различных течений и методов, первый затрагивает относительно узкую область (подход, метод), который глубоко и подробно излагается с опорой на собственный опыт. По-видимому, авторам следовало бы пойти по одному из указанных путей, а не стремиться достичь в рамках одной книги целей и обобщения, и обучения практическим навыкам.

В целом, книга все-таки в большей мере напоминает сборник статей (бесспорно, очень интересных и полезных), но не учебное пособие по практической социальной психологии. Хотя ответственные редакторы, как сообщается в предисловии, «не сочли возможным и необходимым пытаться причесать всех одной гребенкой», все-таки хотелось бы большей аналитичности изложения и снижения произвольности при выборе и расположении содержательного материала.

В.В. ЛАТЫНОВ

Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета издал первый в нашей стране сборник, посвященный приоритетам социологической науки и социологического образования в России. В этом смысле сборник продолжает усилия журнала «Социс» в обсуждении важных вопросов социологии. Он объединяет наиболее интересные материалы, представленные на Российской (Международной) научно-методической конференции, проведенной в мае 1993 г. в Санкт-Петербурге.

Нет необходимости давать анализ всех 20 статей; более важным нам представляются те размышления, которые вызывает чтение первого отечественного труда подобного рода.

По-видимому, еще не наступило время для появления идейного реформатора, способного в ближайшие годы предложить целостную и всесторонне разработанную социологическую систему: пока нет необходимых предпосылок. Однако уже сегодня можно указать общие мировоззренческие и методологические принципы, способные помочь в развитии социологической науки. В общем они состоят в признании того, что социология — это открытая, полипарадигмальная и ориентированная на социальную практику дисциплина.

Считалось, что лучший показатель практической значимости науки — ее теория. Хочется обратить внимание на интересные идеи, предлагаемые авторами сборника. В ряде статей рассматривается зависимость социологического мышления, уровня его развития от философского мировоззрения, социально-политических и идейных условий (*Ж.Т. Тоценко, В.Г. Немировский, В.В. Ильин, Ю. Фельдхофф, Н.А. Головин и др.*). Общий тон можно оценить как оптимистический, хотя есть и справедливые сомнения в будущем отечественной социологии. Так, на с. 35 читаем, что к современному российскому обществу не применимы разработки традиционной русской социологии, еще менее может использоваться западный опыт, а в современной отечественной науке отсутствуют убедительные научные исследования.

В.Г. Немировский выдвигает ряд постулатов теоретической социологии, а именно: социальное знание есть носитель культурно-типологической ментальности; социальный космос — часть природного и духовного; социальное мышление обусловлено мировоззрением автора. К сожалению, социально-философская сторона статьи преобладает над социологической.

Тезис о зависимости социологии от общей духовной обстановки также нуждается в развитии. Реальностью современной духовности является многообразие мировоззрений, с которым не только не может не считаться, но из которого должна исходить современная социологическая мысль. Принимая, что структура духовной жизни общества включает динамичный социально-психологический элемент, дифференцированные в соответствии с классово-групповыми интересами философско-мировоззренческие и стабилизирующие элементы национальной государственности в виде культурно-нравственных традиций, то многообразие мировоззренческих ориентаций представляется, на наш взгляд, обычным явлением обществ современной цивилизации, а факт его наличия не может играть ведущей роли.

Современная социология — это мир конкурирующих парадигм, альтернативных принципов и ценностей; это также ряд специализированных методологических средств, программ и технологий. Социология — полипарадигмальная наука, что проявляется в сложившихся традициях европейской, американской и российской школ, их особом проблемном поле, характере связей с социальной практикой.

Социология — это многофункциональная и многоуровневая наука, что выражается в системе организации соответствующего знания. В ней самостоятельно функционируют история, теория и прикладные исследования. Признавая многомерный характер социологического знания, приоритетным становится работа по созданию языковых и методологических средств, способных обеспечить взаимопонимание различных направлений внутри самой социологии.

В статье *В.В. Ильина* выдвигается задача создания гносеологического образа социальной реальности, который позволит осуществлять функции объяснения, предсказания и эффективной инженерно-технологической деятельности. К данному кругу проблем относятся также статьи *М.Я. Боброва, СМ. Зиминной, В.Я. Ельмеева и др.* Общества современной цивилизации имеют плюралистический характер, складываются из ряда индивидуализированных систем жизнедеятельности со своеобразными социоэкономическими качествами, идеологией и мотивацией. Существуют разные способы интерпретации этого эмпирического факта, но в любом случае роль социологии по данному основанию, чрезвычайно велика. В зависимости от того, каким видится структурно-функциональное состояние, направление эволюции и результаты переходных социальных процессов, будет строиться стиль социологического мышления.

Еще одна тема, прозвучавшая в сборнике, — об основных законах и логике общей социологии — является, пожалуй, центральным вопросом теории. Можно согласиться с *А.О. Бороноевым*, что данный компонент социологического мышления наиболее сложен с точки зрения методологии науки и построения учебных планов социологического образования. Предлагаемая автором логика курса и система категорий охватывает результат больших поисков в данной области и в чем-то продвигает понимание задач теоретической социологии, делая акцент на таких категориях как «социальные силы», «социальные субъекты», «социальные процессы», «социальные структуры», «социальные институты», «социальные организации» и др. Вместе с тем, в данном подходе, к сожалению, реализуется, скорее, принцип систематизации, чем теоретического синтеза.

Ряд авторов считает предельно логичной логикой общей социологии, начиная с человека и двигаясь к более сложным структурным компонентам. Дилемма методологического реализма или индивидуализма решается авторами (*Ж. Г. Тоценко и др.*) в пользу второй концепции. Действительно, социология, в которой нет теории человека — бессодержательна и способна разочаровать тех, кто к ней обращается.

Статья *В.Г. Овсянникова, Е.Д. Семиделовой, В.В. Смирнова* проливает дополнительный свет на

состояние социологии в качестве Науки и учебной дисциплины. Резонными представляются требования авторов обратить внимание на такие вопросы как социологические законы и на конкретные формы их проявления, на логику социологии и систему используемых языковых средств, понимание требуемых обществу социальных механизмов и структур управления (с. 97).

Принимая мотив ответственности социальных ученых перед обществом, хотелось бы к сказанному добавить более конкретные предложения. Среди более специфических задач важно указать: изучение национально-этнических процессов, структурных экономических преобразований, формирование новых социальных групп, характер господствующих в общественном сознании настроений, таксономию и динамику производства в современном российском обществе, методологию ценностного консенсуса социальных сил, границы применимости мирового опыта к моделированию и проектированию социальных институтов с учетом национально-государственной специфики и ряда других проблем с тем, чтобы социология в России стала основным инструментом выполнения аналитических и прогностических функций.

А какая другая наука может еще в равной мере претендовать на указанную роль? Не подлежит сомнению, что игнорирование богатых возможностей социологии в немалой степени послужило причиной того, что переживает страна.

Отечественная социология остро нуждается в комплексном изучении плюрализма социально-экзистенциальных систем жизни, их эволюции, адаптации к ним различных социальных групп с их особыми интересами. Одна из ее задач — способствовать утверждению сознания разнообразия способов жизни в обществах современной цивилизации, признания субстанциальных прав человека (свободы, собственности, труда и др.) первичными ценностями современной социальной организации, осуществлять идеиную мобилизацию экономических и геополитических сил страны.

Значительная часть обсуждаемых вопросов концентрируется вокруг социологического образования. В этой части сборника можно выделить несколько направлений. Одно из них представляет опыт многоуровневой подготовки выпускников по специальности «социолог» для укрепления и расширения социологических, социально-психологических служб, бирж труда, служб общественного мнения, учебных заведений, разного рода центров, ассоциаций и др. Сюда относятся статьи *С.И. Григорьева, Л.Б. Демина, Л.Т. Волчковой, В.Н. Мининой и др.* Анализируются функции социологов — анализ социальных процессов, диагностика социальных проблем, предвидение изменений обстановки, обоснование управленческих решений. В намерение авторов входит задача показать, что социология важна не только общеобразовательной и просветительской направленностью, но и социально-практической эффективностью.

Обсуждая данную проблему, многие авторы видят необходимость расширения сферы социологического образования и в области подготовки специалистов, способных работать в смежных областях. Как правило, указываются экономические и социально-психологические сферы. Безусловно, это весьма важное хотя, на наш взгляд, ограниченное толкование возможностей современного применения социологического образования.

Многие вузы готовят не аналитиков социальных процессов и настроений общественного мнения, а профессионалов в своих отраслях, которые ощущают острую потребность во всесторонней прикладной гуманитарной подготовке. Необходима достаточно последовательная дифференциация программ социологии в зависимости от конкретных задач, которые ставит перед собой определенный вуз. В случае технических и родственных университетов без социологических факультетов речь, скорее, может идти о «Введении в социологию» при значительной программе прикладных проблем.

Необходимо признать самоценность социологии как фундаментальной дисциплины в формировании прикладного гуманитарного знания выпускников вузов. В этом плане, думается, статья *А.И. Куропятника* — одно из доказательств правомерности и полезности введения категории «прикладное гуманитарное знание» в систему высшего образования. Так, введение социальной (культурной) антропологии, социальной психологии показывает определенную условность самого термина «социологическое образование», поскольку оно тесным образом переплетается с другими направлениями. Кроме того, реальные социальные заказы общества сейчас обращены к подготовке

специалистов с современным гуманитарным знанием в виде некоторой двухуровневой системы: гуманитарных прикладных и специально-профессиональных знаний.

Среди статей о прикладном социологическом образовании в технических университетах выделяется статья *И.П. Яковлева* — прежде всего программой, которая обеспечивает выполнение обязательств по специальности «Связи с общественностью». Здесь видна отдельная социологическая специальность адресного профиля, хотя в действительности в ее подготовке участвует целый ряд прикладных гуманитарных дисциплин.

В полной мере о важности прикладного социологического (и шире — гуманитарного) знания для высшей школы говорится в статье *В.Г. Воронцовой, Е.Г. Смирновой и В.В. Тумалева*. Авторы выдвинули и обосновали тезис о важнейшей функции образования — социализации подрастающего поколения. Каждый член общества должен владеть комплексом гуманитарных и социальных общих и прикладных знаний и умений, которые создадут не только профессиональную, но и общую культуру и укрепляют нравственность. Отсюда мысль о необходимости развивать направление школьной социологии.

С удовлетворением следует отметить материалы об институционализации русской (российской) социологии, роль в этом сложном процессе Русского Общества социологов им. М.М. Ковалевского. К настоящему времени, однако, после более чем двух лет существования, нельзя сказать, что результаты его деятельности могут в полной мере удовлетворять вузовских социологов России.

Понимая всю сложность развития современной отечественной социологии, противоречий и проблем в ходе ее дальнейшей институционализации, хотелось бы поблагодарить всех авторов данного сборника и пожелать им продолжить начатую работу.

В.Т. ДРОНОВ

©1995 г.

**Дятченко Л.Я. СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ
ОБЩЕСТВЕННЫМИ ПРОЦЕССАМИ. М., 1993.**

Появление нового исследования проблем социальных технологий, представленное в монографии Л.Я. Дятченко, в теоретическом плане является логическим продолжением заметно активизировавшихся в последние годы усилий, отечественных и зарубежных ученых по разработке одного из перспективных и плодотворных направлений современного обществознания.

Последовательно, с учетом конкретно-исторического подхода, автор наполняет аналитическую ткань исследования обобщением имеющихся теоретических наработок как в зарубежной, так и в отечественной науке. Весьма продуктивными представляются и его попытки выделить собственный взгляд на те или иные аспекты исследуемой темы. Интересным выглядит определение социальной технологии как социально организованной области знания о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов (с. 52). При этом автор не вступает в ставшую модной «игру» в дефиниции, с прагматических позиций он как бы высвечивает одну из граней такого многомерного явления как социальные технологии.

В частности, вызывают несомненный интерес результаты социологического исследования состояния готовности управленческих кадров к применению современных социальных технологий, проведенного автором среди служащих различных органов регионального и хозяйственного управления.

Монография Л.Я. Дятченко носит инновационный характер не только потому, что принадлежит к числу первых научных работ в нашей стране по проблемам социальных технологий, но и по принципиально новому качеству ее прикладной направленности. В современном обществоведении уже давно притчей во языцах стала проблема связи теории с практикой, разрешение которой зачастую ограничивалось декларациями. Многократно повторяемые задачи «усилить», «улучшить», «активизировать» и т.п., с одной стороны, формализовали сам процесс научного поиска новых подходов в социально-гуманитарном знании, а, с другой, — ограничивали выход в практику многих талантливых идей и проектов отечественных обществоведов.

Тем отраднее, что автору удалось не только разработать теоретические основы, но и спроектировать, и внедрить целый ряд конкретных социальных технологий, на деле показать, что обществоведы являются не просто мастерами пера и разговорного жанра, коими их принято считать ранее, — они способны эффективно влиять на содержание и динамику современных социальных процессов.

Проект технологии «Социального конвейера» (с. 216—236), его смелое и энергичное внедрение в условиях разбалансированности управления народного хозяйства заслуживают одобрения и распространения в общегосударственном масштабе.

Хотя автору монографии и не удалось при изложении своей концепции избежать ряда таких традиционных для обществоведов недостатков, как встречающиеся кое-где смысловые повторы, излишнее многословие и декларирование при анализе уже известных положений и, наоборот, присутствует некоторая конспективность, содержательная скупость (зажатость) наиболее актуальных моментов исследования, в целом книгу можно смело отнести к свежим всходам отечественной научной мысли.

В.И. СПЕРАНСКИЙ